

СРЕДНИЕ ВЕКА

76
(3-4)

SREDNIE VEKA

Studies
on Medieval
and Early Modern History

Volume **76 (3-4)**

MOSCOW NAUKA 2015

СРЕДНИЕ ВЕКА

Исследования
по истории Средневековья
и раннего Нового времени

Выпуск **76 (3-4)**

МОСКВА НАУКА 2015

ЮРИСДИКЦИЯ ЦЕРКВИ И ВЛАСТЬ КОРОЛЯ: СПОРЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

УДК 94(363.4)“6”

М.В. Земляков

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛЮДЕЙ КОРОЛЯ И ЦЕРКВИ В РИПУАРСКОЙ ПРАВДЕ: МЕЖДУ РАБСТВОМ И СВОБОДОЙ

Настоящая статья посвящена одной из ключевых проблем социальной истории государства Меровингов – формированию лично зависимой прослойки населения на землях восточнофранкского королевства (Австразии) в VII в. Связанные с этим процессы прослеживаются автором на материалах свода правовых установлений племенного союза рипуарских франков (Рипуарская правда), социально-правовые категории которого остаются недостаточно изученными в западноевропейской и отечественной медиэвистике до наших дней. Обращаясь к анализу лично зависимого населения, сидевшего на землях королевских и монастырских поместий, прочих крупных землевладельцев VII в. («люди короля», «люди церкви», «римляне»), автор анализирует его социальное происхождение, статус в восточнофранкском обществе и степень правоспособности в рамках судебной системы рипуаров.

Ключевые слова: люди короля, люди церкви, «римляне»; Рипуарская правда, Салическая правда; Австразия; Хлодвиг, Дагоберт.

Социальная история бывших римских провинций, занятых в раннем Средневековье варварами, крайне сложна и противоречива. Особенно примечательна в этом отношении та территория на Среднем Рейне, которая была занята в V в. племенем рипуарских франков. Рипуары к началу VII в. представляли собой центр восточнофранкского племенного мира, который после смерти первого франкского короля Хлодвиг (511) становится ядром меровингского королевства Австразия. Как и многие другие представители германского племенного мира, восточные франки сформировали комплекс правовых представлений, которые были зафиксированы в рамках Рипуарской правды – законодательного памятника, известного нам по многочисленным спискам (вместе

с утраченными на сегодня рукописями их насчитывается более сорока)¹.

Особенностью восточнофранкского (рипуарского) законодательства VII в. являлось то, что на него оказывало очень большое влияние позднеимперское право и галло-римское население, проживавшее в районе Среднего Рейна и города Кёльн (бывшая римская Колония Агриппины). Это влияние выражалось в нескольких аспектах. Во-первых, бывшие галло-римские рабы и колоны, оставшиеся на землях крупных и средних поместий римской провинции Нижняя Германия, приняли осязаемое участие в складывании общего рабского слоя в рамках варварского по своей социально-правовой сущности королевства Австразия в той же степени, что и в формировании других лично и поземельно зависимых категорий. Во-вторых, наличие в области обитания рипуаров в VI – начале VII в. значительно большего числа галло-римлян свободного статуса, нежели в землях салических франков в Северной Галлии, отразилось на присутствии в составе высшей общественной прослойки Австразии (в том числе среди королевских советников, клириков и монахов) широкого слоя бывших подданных Западной Римской империи. В-третьих, многие судебные процедуры, зафиксированные рипуарскими франками в своих законах (такие как освобождение рабов в церкви или приведение участников судебного процесса к присяге на алтаре), в значительной мере тяготели к правовым обычаям провинциального населения поздней Римской империи. Безусловно, все эти обстоятельства повлияли на сам характер австразийского общества в целом и его зависимой прослойки – в частности.

К сожалению, социальной истории рипуарских франков историками права и источниковедами XIX–XX вв. было посвящено не так много исследований. Основное внимание авторы классических для европейской исторической науки трудов уделяли сравнительному изучению социально-правовых категорий Салической правды и правд подчиненных франкам народов (алеманнов, баваров, фризов, саксов)². Соответственно, исследований по теме

¹ Полный перечень рукописей, присутствующих в архивах Западной Европы или в их описях, представлен в критическом издании *Lex Ribvaria* Ф. Байерле и Р. Бухнера: *Lex Ribvaria / Hrsg. von F. Beyerle und R. Buchner*. Hannover, 1954. S. 32–40. (MGH. Legum sectio I. Leges nationum germanicarum; Bd. 3, 2).

² Среди десятков работ, анализирующих зависимые категории в тексте *Lex Salica*, следует упомянуть в первую очередь следующие: *Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte*. Kiel, 1847. Bd. 2. S. 149–174; *Brunner H. Deutsche*

формирования и развития зависимой прослойки австразийского общества крайне мало³. В наши дни тематика рабства и зависимости в обществе рипуарских франков VII в. остается на периферии научного интереса западноевропейской и отечественной исторической науки, что придает теме статьи особенную актуальность.

В первую очередь исследователей должен заинтересовать тот слой земельных держателей, представитель которого в латинском оригинале обозначен как *homo regius aut ecclesiasticus* (т.е. «королевский или церковный человек», «человек короля» и «человек церкви», в немецкой истории права – *Königs- oder Kirchenleute*⁴, в англо-саксонской исторической традиции – *king's man or churchman*⁵). Нередко в один ряд с ними кодификаторы Рипуарской правды ставят такую категорию, как *homo Romanus* – «римлянин». Некоторые особенности позволяют нам сблизить эти три группы зависимого населения и говорить о них как о

Rechtsgeschichte. 2. Aufl. Berlin, 1906. Bd. 1. S. 354–376; *Inama-Sternegg K.Th., von.* Deutsche Wirtschaftsgeschichte. 2. Aufl. Leipzig, 1909. Bd. I: Bis zum Schluß der Karolingerperiode. S. 64–94; *Conrad H.* Deutsche Rechtsgeschichte: Ein Lehrbuch. Karlsruhe, 1954. Bd. 1: Frühzeit und Mittelalter. S. 156–161; *Nehlsen H.* Sklavenrecht zwischen Antike und Mittelalter: Germanisches und Römisches Recht in den germanischen Rechtsaufzeichnungen. Göttingen; Frankfurt; Zürich, 1972. Bd. I: Ostgoten, Westgoten, Franken, Langobarden. S. 251–357. Также см.: *Olberg G., von.* Die Bezeichnungen für soziale Stände, Schichten und Gruppen in den Leges Barbarorum. Berlin; New York, 1991. S. 193–240. (Arbeiten zur Frühmittelalterforschung: Schriftenreihe des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster; Bd. 11: Die volkssprachigen Wörter der Leges Barbarorum. Teil II).

³ *Jastrow I.* Zur strafrechtlichen Stellung der Sklaven bei Deutschen und Angelsachsen. Breslau, 1878. S. 20–27. (Untersuchungen zur Deutschen Staats- und Rechtsgeschichte / Hrsg. von Otto Gierke; Bd. II); *Mayer E.* Zur Entstehung der Lex Ribuariorum: Eine rechtsgeschichtliche Untersuchung. München, 1886. S. 131–157; *Beyerle F.* Das Gesetzbuch Ribvariens: Volksrechtliche Studien III // Zeitschrift der Sawigny-stiftung für Rechtsgeschichte. Germanische Abteilung. GA. 1935. Bd. 55. S. 1–80 (далее ZSSR. GA); *Lütge F.* Die Agrarverfassung des frühen Mittelalters im mitteldeutschen Raum vornehmlich in der Karolingerzeit. Jena, 1937. Некоторые замечания о положении зависимого населения в рипуарских землях содержатся в фундаментальном труде: *Фюстель де Куланж Ж.Д.* История общественного строя древней Франции. СПб., 1907. Т. 4: Аллод и сельское поместье в меровингскую эпоху. С. 418–429.

⁴ Такой перевод предлагал в 1966 г. Р. Бухнер: *Lex Ribuariorum* / Hrsg. von K.A. Eckhardt. 2. Aufl. Hannover, 1966. Bd. 2: Text und Lex Francorum Chamavorum (Germanenrechte. Neue Folge. Abteilung Westgermanisches Recht; Bd. 8).

⁵ Так переводил эти термины американский исследователь Т. Риверс в своем переводе: *Laws of the Salian and Ribvarian Franks* / Transl. by T. Rivers. New York, 1986. P. 167–214.

единой в социально-правовом отношении категории; о причинах этого будет сказано ниже.

Как известно, для формирования слоя зависимого населения в германских королевствах VI–IX вв. существовало два основных пути. Первый путь предполагал насильственное отторжение земли свободных германцев королем или пожалование земли с сидящими на ней свободными монастырю, либо добровольную передачу своей персоны монастырю или королю на условиях защиты, а нередко – предоставления средств к существованию. Данные процессы вели к закабалению наиболее уязвимых и малообеспеченных категорий свободного германского и галло-римского населения⁶. Второй путь, напротив, представлял собой постепенный подъем социального статуса бесправных рабов и наделение их ограниченными правами⁷.

Целью статьи является анализ правового статуса лично и поземельно зависимого от крупных землевладельцев населения королевства Австразия в VII в., обозначенного латинскими терминами *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus*, на основе тех сведений, которые содержатся в Рипуарской правде. Ключевыми моментами для достижения данной цели являются ответы на вопросы, какова была социальная природа этих категорий зависимых рипуаров и как это отражалось на оценке их жизни и ответственности за совершенные правонарушения.

Следует сказать несколько вводных слов о памятнике права, именуемом Рипуарской правдой (*Lex Ribvaria*). Он дошел до нас в двух редакциях – А и В, складывавшихся на протяжении VII–VIII вв. и окончательно, по-видимому, зафиксированных в результате законотворческой деятельности императора Карла Великого в 802–803 гг.⁸ В качестве гипотезы еще в XIX в. Р. Зомом было выдвинуто предположение о постепенной фиксации правового

⁶ Этот способ социально-правового подчинения некогда свободных германцев в области Северной Галлии подробно был описан Н.Д. Фюстель де Куланжем: *Фюстель де Куланж Н.Д.* Указ. соч. СПб., 1910. Т. 5. Начала феодального строя. С. 315–347, 355–363, 379–398.

⁷ Подробно об этом процессе применительно к Франкскому королевству раннего Средневековья, помимо И. Ястрова, писала А.М. Вергеланд: *Wergeland A.M.* Slavery in Germanic Society during the Middle Ages. Chicago, 1916.

⁸ Подробнее о текстологии рукописей Рипуарской правды см. работы Р. Бухнера: *Lex Ribvaria / Hrsg. von F. Beyerle...* S. 43–51; *Buchner R.* Zu Text und Handschriftenstammbaum der Lex Ribvaria // ZSSR. GA. 1963. Bd. 80. S. 306–315.

материала, включавшей в себя четыре этапа⁹; впоследствии эта точка зрения подверглась критике со стороны Э. Майера, считавшего более обоснованной единовременную фиксацию первоначальной редакции Рипуарской правды в правление короля Австразии Дагоберта (629–639)¹⁰. Черту под спорами вокруг датировки Рипуарской правды подвел Р. Бухнер, предложив в определенной степени компромиссную позицию, которая заключалась в следующем: а) на протяжении VI – начала VII в. возникали те правовые установления, которые были включены Р. Зомом в три первых хронологических слоя; они были положены в основу текста, записанного в качестве австразийского законодательства в первой половине VII в. королем Дагобертом; б) после прихода к власти Пипинидов и династии Каролингов они были переработаны; кроме того, к ним в VIII – начале IX в. был добавлен четвертый хронологический слой¹¹.

Начать анализ упомянутых зависимых категорий в этом источнике следует с выяснения вопроса, как они соотносились между собой и насколько были родственны в социально-правовом отношении. Казалось бы, категория *homo Romanus* должна была нести преимущественно этническую окраску, а не социальную. Социальное положение подвластных германским завоевателям галло-римлян было во многих случаях опосредовано их «чужеродностью», в первую очередь – при исчислении штрафов за их жизнь. Вместе с тем, определенные особенности правового статуса «римлян» в австразийском обществе VII в. позволяют нам говорить о том, что они, несмотря на свою этническую обособленность, постепенно сливались с поземельно и лично зависимыми категориями германского населения.

Первый и один из самых важных качественных признаков родаства категорий *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus* (и вместе с тем – маркер подчиненного положения этих категорий) – это их отношение к процессу обращения в зависимость в случае вступления в брак с представителями других социальных слоев (рабами и свободными людьми). Так, достоверно известно то, что при женитьбе королевского или церковного человека, а также

⁹ Lex Ribuaria ex editione Rudolphi Sohm [Praefatio] // Leges Saxonum. Lex Thuringorum. Edictum Theoderici regis. Remedii Curiensis episcopi capitula. Lex Ribuaria. Lex Francorum Chamavorum. Lex Romana Raetica Curiensis. Hannover, 1863 (MGH. Legum Sectio; T. 5). P. 186–192.

¹⁰ Mayer E. Op. cit. S. 170, 173–176.

¹¹ Lex Ribvaria / Hrsg. von F. Beyerle... S. 17–22.

«римлянина» на свободной женщине следствием было обращение их общего потомства «в приниженное состояние»; вступление в брак «римлянки», королевской или церковной вольноотпущенницы – табулярии (*Romana vel regia seu tabularia*) и свободного мужчины предполагало обращение в личную зависимость (рабство) их детей. Это говорит о низком и неполноправном положении зависимых людей короля и церкви и «римлян» обоих полов, которое в области семейных отношений было заметно ниже, чем положение свободных рипуаров. Вместе с тем, эти три категории зависимых людей не были по своему статусу рабами. Это доказывается тем, что королевская вольноотпущенница, табулярия и «римлянка», принявшие в мужья раба, сами не обращались в рабское состояние, поскольку уже были лично зависимыми и не могли поменять своего господина; рабами становились только их дети¹².

Вторым, не менее важным признаком качественного сходства категорий *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus* является их совместное упоминание во многих титулах, которые описывают ответственность рипуарских франков за нарушения тех или иных норм права. В первую очередь, это касалось их вызова на суд¹³, в королевское войско или на королевскую службу¹⁴, а также подтверждения клятвы¹⁵ или наложения наказания за укрывательство объявленного вне закона человека¹⁶. Помимо того, что все они были упомянуты в одном контексте, они также были приравнены друг к другу по сумме своего штрафа.

¹² Ibid. 61 (58), 10–11: Similiter et tabularia vel regia aut Romana femina, si servum Ribvarium acciperit, non ipsa, sed generatio eius serviat. Si ecclesiasticus, Romanus vel regius homo ingenuam Ribvariam acciperit, aut si Romana vel regia seu tabularia ingenuum Ribvarium in matrimonium acciperit, generatio eorum semper ad inferiora declinentur. Некоторые предположения относительно того, какие категории в этом ряду (в частности, *homo Romanus / Romana*, *homo regius / regia*) могли быть поздними дополнениями второй половины VII–VIII в., содержатся в статье: Beyerle F. Das Gesetzbuch Ribvariens. Volksrechtliche Studien III // ZSSR. GA. 1935. Bd. 55. S. 38–39. Тем не менее, многие из них были им пересмотрены и дополнены в критическом издании Lex Ribvaria 1954 г., которое принято считать образцом текстологии этого памятника.

¹³ L. Rib. 61 (58), 19.

¹⁴ Ibid. 68 (65), 1–2: Si quis legibus in utilitatem regis sive in hoste seu in reliquam utilitatem bannitus fuerit et minime adimpleverit, si egritudo eum non detenuerit, sexaginta solidos multetur. Si autem Romanus aut regius seu ecclesiasticus homo hoc fecerit, unusquisque contra auctorem suum 30 solidos culpabilis iudicetur.

¹⁵ Ibid. 69 (66), 1–2.

¹⁶ Ibid. 90 (87): Si quis hominem, qui furbannitus est, in domo recipere praesumpserit, si Ribvarius est, 60 sol., si regius, Romanus vel ecclesiasticus, 30 sol. culpabilis iudicetur.

Все представители этого статуса также имели вариант обозначения, при котором проводилось гендерное различие между ними. Для мужчин применялся термин *homo* или *baro*, для женщин – *femina*. Иногда такое разграничение отражалось только в чередовании окончания определения – *romanus / romana, regius / regia, ecclesiasticus / ecclesiastica*, а существительное *homo* при этом опускалось. Вместе с тем, за понятием *homo* могли скрываться лица обоего пола, поэтому половозрастное разграничение для зависимых людей короля или церкви, а также «римлян» и «римлянок» в тексте проводилось не всегда¹⁷.

Для того, чтобы продемонстрировать высокую значимость категорий *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus* в австрийском обществе VII в., помимо качественного анализа содержания Рипуарской правды необходимо провести подсчет количественного соотношения данных категорий личной зависимости. Если термин *servus* (в качестве общеродового понятия для прослойки рабов) встречался в памятнике в 25 различных титулах (т.е. в четверти от их общего числа – 91), то *homo regius* – в 14 титулах, а *homo ecclesiasticus* – в 13. При этом все 13 титулов, в которых было сказано о зависимых церковных людях – это те же самые 13 титулов, которые трактовали положение зависимых людей короля; таким образом, на основе количественного анализа можно говорить о практически полной идентичности их социально-правового статуса¹⁸. Не столь однозначно обстоит дело с социальной группой *homo Romanus*: о «римлянах» как об особом правовом статусе говорилось только в 5 титулах. Примечательно то, что все перечисленные титулы содержали также информацию о категориях *homo regius* и *homo ecclesiasticus*, а их правовой статус в этих титулах соответствовал статусу *homo Romanus*.

В недавней нашей работе, посвященной положению галло-римского населения в Салической и Рипуарской правдах¹⁹, было

¹⁷ В основном такое гендерное обозначение, как нетрудно догадаться, было необходимо для разграничения полов в тех правовых установлениях, которые касались заключения неравноправного брака между мужчиной и женщиной.

¹⁸ Mayer E. Op.cit. S. 131–132.

¹⁹ Более подробно об этом написано в тезисах нашего доклада, прочитанного на Пашутинских чтениях 15–17 апреля 2015 г.: Земляков М.В. Роль римского элемента в формировании общества и государства Меровингов в конце V – начале VII в. (по материалам франкских правд) // Восточная Европа в Древности и Средневековье. Государственная территория как фактор политогенеза: XXVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2015 г.: Мат.-лы конф. М., 2015. С. 111–116.

подробно сказано об этнической сущности различных категорий «римлян». В частности, в ней особенно подчеркивалось то, что во владении церкви и королей германцев после завоевания оказалось определенное число колонов и рабов, посаженных на землю еще римскими магнатами. В один ряд с податным населением, попавшим в подчинение к завоевателям – франкам, можно поставить бывшее сословие куриалов – жителей городов, в значительной своей массе лишившихся основных источников дохода и переселившихся в IV–V вв. в сельскую местность²⁰. В Северной Галлии число подчиненных галло-римлян, по-видимому, значительно уступало количеству «римлян» – подданных восточнофранкских правителей.

Lex Salica предполагала несколько категорий галло-римского населения: приближенных короля – его сотрапезников (300 сол. штрафа за лишение жизни), самостоятельных землевладельцев – посессоров (100 сол.), и зависимых податных людей – трибутариев (45–70 сол.)²¹. Последние две категории обладали меньшей компенсацией за жизнь (вергельдом), нежели свободный салический франк (200 сол.), что маркировало их неполноправие в рамках германского общества VI в. Например, вергельд посессора соответствовал вергельду не полностью освобожденного от рабской зависимости франка (лита)²²; вергельд трибутария был еще ниже.

«Римляне» в Рипуарской правде выполняли роль посессоров и трибутариев из области обитания салических франков²³. Они не были равны по статусу свободнорожденным рипуарам, что видно из половинной компенсации за жизнь «римлянина»²⁴. Однако в сравнении со статусом практически бесправных позднеримских колонов и рабов более высокий статус *homo Romanus* вполне очевиден. Получается, что понятие «римлянин» (наряду с понятиями «человек короля» и «человек церкви») зачастую выражало в праве Австразии начала VII в. не только этническую категорию,

²⁰ Dannenbauer H. Die Rechtsstellung der Gallorömer im fränkischen Reich // Grundlagen der mittelalterlichen Welt: Skizzen und Studien. Stuttgart, 1958. S. 106–114.

²¹ L. Sal. 41, 8–10. См. также: Земляков М.В. Указ. соч. С. 112.

²² Положение лита как бывшего раба, не способного перейти в полностью свободный статус без воли своего господина, очень подробно было рассмотрено в работе: Modzelewski K. Barbarzyńska Europa. Warszawa, 2004. S. 186–205.

²³ Gaupp E.Th. Lex Francorum Chamavorum oder das vermeintliche Xantener Gaurecht. Breslau, 1855. S. 47–50; Mayer E. Op. cit. S. 136.

²⁴ L. Rib. 40 (36), 3.

но и социальное положение, означающее неполноправие и факт личной (но не рабской) зависимости от богатого представителя галло-римского населения Среднего Рейна или крупного землевладельца – франка²⁵.

Если социальное происхождение *homo Romanus* ясно прослеживается из предыдущего параграфа, социальное происхождение категории *homo regius aut ecclesiasticus* вызывает большие споры. Э. Майер уже в конце XIX в. выдвинул гипотезу о том, что в эта прослойка (не включая «римлян») представляла собой либо королевских колонов (остававшихся в галло-римских виллах Среднего Рейна зависимых земледельцев) и королевских рабов – фискалинов (*fiscalini*), либо была аналогична фризским или салическим литам, либо же бывшим рабам, отпущенным по грамоте и находившимся под мундом (т.е. покровительством) короля или церкви²⁶. Н.Д. Фюстель де Куланж предлагал включать в понятие *homo ecclesiasticus* вольноотпущенников – либертов как самой церкви, так и мелких земледельцев – мирян, переданных под покровительство церкви сразу после освобождения в ней²⁷, а в категорию *homo regius* – отпущенников короля как частного лица, оставшихся под его властью на участках его имения²⁸. Д.М. Петрушевский комбинировал две точки зрения: он полагал, что в состав прослойки *homo regius aut ecclesiasticus* вошли как церковные рабы (*servi ecclesiastici*) и королевские рабы – фискалины, так и «полусвободные, сидевшие на церковных землях [...] и королевских доменах»²⁹.

В Рипуарской правде присутствуют категории, которые именуются королевскими рабами (*servus regis*) и рабынями (*ancilla*

²⁵ Мнение Э. Майера о том, что «римляне» представляли собой по преимуществу слой церковных колонов (Mayer E. Op. cit. S. 134–137), кажется сомнительным уже в силу того, что по своему статусу *homo Romanus* поставлен в один ряд также и с категорией *homo regius*.

²⁶ Mayer E. Op. cit. S. 85, 132–134.

²⁷ Согласно точке зрения французского ученого, представители категории *homo ecclesiasticus* явились прообразом подаренных тому или иному небесному покровителю (точнее – посвященному его памяти монастырю) поземельно зависимых людей, которых мы обнаруживаем во многих полиптиках времени Каролингов, например, Полиптике аббатства Сен-Жермен де Прэ (*homo sancti Germani, homo sancti Martini*): Фюстель де Куланж Н.Д. Указ соч. С. 418–425.

²⁸ Там же. С. 425–429. При этом статус *homo Romanus* Н.Д. Фюстель де Куланжем не был проанализирован.

²⁹ Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 2003. С. 244–245.

regia), а также женщинами под покровительством короля и церкви (*femina regia aut ecclesiastica*). Но, к сожалению, сведения о них крайне скудны. О положении королевских рабынь известно только то, что они могли вступать в брак со свободными рипуарами и табуляриями, но при этом последние обращались в рабское состояние³⁰. О зависимой от короля и церкви женщине (по-видимому, исполнявшей функции служанки) мы знаем чуть больше: в случае ее убийства выплачивался высокий штраф 300 сол. либо должна была быть принесена клятва невиновности в присутствии 36 свидетелей³¹. Королевский раб также был упомянут только в одном титуле, однако в этом титуле было очень важное указание на его статус: он мог самостоятельно (без посредничества представителей своего господина – короля) держать ответ на суде, причем делал это «без принуждения»³². В этом заключалось его отличие от прочих категорий бесправных рабов, лишенных всякой правосубъектности.

Как нетрудно заметить, основная часть слуг и рабов, находившихся в привилегированном положении (некоторые историки права называли их «рабами высшей категории»³³), была сосредоточена в Австразии начала VII в. в руках наиболее крупных землевладельцев – короля и церкви. Их статус имел некоторые общие черты со статусом категорий *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus* (например, право самостоятельного выступления на суде).

Тем не менее, этим, по сути, ограничиваются наши сведения о сходстве в положении королевских и церковных рабов, слуг короля, с одной стороны, и людей церкви и короля – с другой. Напротив, некоторые черты статуса «рабов высшей категории» резко контрастировали с положением человека короля и церкви: например, величина штрафа за жизнь королевского раба превышала вергельд категорий *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus* ровно в три раза. Поэтому трудно согласиться с тем, что королевские рабы или вольноотпущенники могли выступить в качестве основной социальной базы лично зависимых людей короля и церкви, а слишком широкое толкование социальной сущности категорий *homo regius aut ecclesiasticus* у Э. Майера,

³⁰ L. Rib. 61 (58), 9, 14.

³¹ Ibid. 14 (14,1): Si quis feminam regiam aut ecclesiasticam parientem interfecerit, 300 solid. culpabilis iudicetur aut cum 36 iuret.

³² Ibid. 61 (58), 20: Servi autem regis et ecclesiarum non actores, sed ipsi pro semetipsis in iudicio respondeant et sacramenta absque tangano coniurent.

³³ Например: Brunner H. Op. cit. S. 372–373.

Н.Д. Фюстель де Куланжа и Д.М. Петрушевского необходимо подвергнуть дополнительному критическому разбору.

Так, Э. Майер пишет о литах и вольноотпущенниках как об одном из возможных эквивалентов термина *homo regius aut ecclesiasticus*. Однако в титуле 65 (62) литы и трибутарии упоминаются как отдельная категория вольноотпущенников и имеют штраф за жизнь в 36 сол. – гораздо более низкий, чем штраф за жизнь королевских и церковных людей³⁴. Более того, ни в отношении литов, ни в отношении трибутариев нет даже намека на их освобождение королем или церковной организацией. Также не совсем ясно, для какой цели законодателю могло бы понадобиться выделять категорию литов отдельно, если бы они выступали социальной базой прослойки *homo regius aut ecclesiasticus*.

То же самое относится к категории церковных вольноотпущенников – табуляриев, о которых информации в Рипуарской правде гораздо больше, чем о литах или либертах³⁵. Даже если предположить наличие каролингских дополнений в тексте титула 61 (58) Рипуарской правды, странным является тот факт, что не произошло аннигиляции одной из двух категорий (либо *tabularius*, либо *homo ecclesiasticus*) в редакциях А и В, если они, согласно Э. Мейеру, были идентичны. Даже когда в VIII в. положение держателей на землях церкви меняется, и категории *homo ecclesiasticus* и *tabularius* значительно сближаются в своих правах, представление о раздельном их статусе в *Lex Ribvaria* сохраняется.

Еще одним доказательством того, что *homo regius aut ecclesiasticus* не был идентичен по статусу недавно отпущенному рабу церкви, выступает текст титула 61 (58): в нем упоминается о возможности людей короля или церкви отпустить на волю чужого раба, сделав его табулярием. При этом лично зависимый от короля или церкви человек нес за это действие судебную ответственность наряду со свободным рипуарским франком, хотя вместо 14 суток, которые требовались для передачи свободным табулярия тому, от кого он его получил, в отношении *homo regius aut ecclesiasticus* был оговорен вдвое более короткий срок³⁶. Сам факт выступле-

³⁴ L. Rib. 65 (62), 1: Si quis servum suum tributarium aut litum fecerit, si quis eum interfecerit, 36 solidos culpabilis iudicetur.

³⁵ Табулярии (мужского и женского пола) как основной объект интереса редактора Рипуарской правды присутствуют в 13 параграфах этого титула. См. упоминания о них в следующих параграфах: Ibid. 61 (58), 1–2, 4–6, 8–14, 19.

³⁶ Ibid. 61 (58), 8: Quod si quis tabularium ex alieno servo facere presumpserit, tunc ille, cuius servus est, super eum manum mittere debet. Et si tabularius est vel

ния в качестве одной из сторон сделки (по передаче, покупке или продаже раба, ставшего табулярием) людей короля или церкви отделяет их от рабов, даже королевских, относительно которых у нас такие сведения отсутствуют. Кроме того, специально оговорен тот момент, что церковного раба нельзя было освободить и сделать либертом в отсутствие викария церкви, что еще раз подчеркивает его крайне неравноправное положение в сравнении с *homo ecclesiasticus*³⁷.

Еще более отчетливо разрыв статуса раба и статуса человека короля или церкви показан в титуле, посвященном краже свободной женщины. Здесь по отношению к лично зависимым от короля или церкви рипуарам применялось наказание в виде взимания половинного штрафа, предусмотренного в отношении свободного человека, тогда как для раба единственным возможным наказанием являлась казнь³⁸.

Итак, можно в достаточной степени считать обоснованным такой взгляд на проблему генезиса слоя *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus*. Его социальной базой выступали несколько групп лично и поземельно зависимого населения Среднего Рейна, при этом их удельный вес в этом слое зачастую сложно определить. Церковные и королевские рабы, а также вольноотпущенники были одной из таких групп, однако они не были единственной группой в составе категории *homo regius aut ecclesiasticus*; то же самое касается и слоя *homo Romanus*. Тем более нельзя приравнивать статус «рабов высшей категории» к статусу лично зависимой категории *homo regius aut ecclesiasticus*. Изучая социально-правовой статус упомянутых категорий, нетрудно убедиться в том, что высказывание Д.М. Петрушевского о «полусвободе» людей короля и церкви не лишено основания.

regius seu Romanus homo, qui hoc fecit, super septem noctes, si francus, super 14 de manu in manum ambulare debet, quamvis multas vendiciones ex illo factas fuissent, usque dum ad ea manu veniat, qui eum ingenuum dimisit, et tunc ex eo iudicius superius conpraehensus adimpleatur.

³⁷ Ibid. 61 (58), 3: Nemo servum ecclesiasticum absque vicarium libertum facere presumat.

³⁸ Ibid. 38, 1–3 (34, 1–4): Si quis ingenuus ingenuam rapuerit, bis centenos solid. noxius iudicetur. Quod si tres ingenui cum ipso fuerint, unusquisque eorum bis trigenos solid. noxii iudicetur. Et quanti super illos quattuor fuerint, unusquisque eorum ter quinos solid. noxius iudicetur. Quod si regius aut ecclesiasticus homo hoc fecerit, bis quinquagenos solid. culpabilis iudicetur. Similiter illi tres, qui ei auxiliaverint, unusquisque trigenos solid. culpabilis iudicetur. Et quanti super hoc fuerint, unusquisque octavo semisolido multetur. Quod si servus hoc fecerit, de vita conponat.

Во многих случаях ответственность за преступления против них была половинной по сравнению со штрафами, предусмотренными за аналогичные нарушения против свободных; точно так же с представителей категории *homo regius aut ecclesiasticus* взимались штрафы, составлявшие половину от величины штрафов, налагаемых на свободных франков. Как показывает текст Рипуарской правды, частое упоминание людей короля и церкви в одном контексте с полноправными рипуарами свидетельствовало о включении слоя лично зависимых людей в систему прав – обязанностей германских племен. Элементами этой системы повсюду в континентальной Европе являлись такие важные признаки полноправия, как участие человека в судебных и сотенных собраниях, в военном ополчении, право его родственников или покровителя на возмещение ценности его жизни в случае убийства (вергельд) и др. Рабы в обществах салических и рипуарских франков VI–VII вв. были практически полностью лишены этих признаков, а некоторые из них начали появляться у них в самом зачаточном состоянии лишь в эпоху правления сыновей и внуков Хлодвиг в VI в. Следовательно, элементы ограниченной правоспособности не могли бы появиться и закрепиться у представителей слоя *homo regius aut ecclesiasticus* уже к началу VII в. (т.е. ко времени записи Рипуарской правды), кроме как в случае, если весьма значительную (если не подавляющую) его часть составляли бывшие свободные, обедневшие германские жители восточнофранкского государства Меровингов.

Данное утверждение необходимо верифицировать на основе рассмотрения базовых элементов полноправия, которыми в той или иной мере обладали все подданные правителя Австразии, не бывшие рабами. Ключевым показателем социального статуса для германца раннего Средневековья, который можно было напрямую соотнести с полной или ограниченной свободой, являлось наличие вергельда за его жизнь³⁹. Вергельд за жизнь людей короля и

³⁹ Согласно концепции одного из основателей немецкой школы истории права – Я. Гримма, германский раб не обладал ни личностью, ни вергельдом (его господин мог потребовать от преступника только стоимость раба и компенсацию за нанесенный ущерб): *Grimm J. Deutsche Rechtsalterthümer. 2. Aufl. Göttingen, 1956. Bd. I. S. 473–475*. Большинство исследователей XX в., критически подходя к этому вопросу и указывая на постепенное повышение ценности жизни раба во франкском обществе VI–IX вв., все-таки отказывают им в наличии вергельда. В отношении рабов Салической и Рипуарской правды историки очень осторожно говорят лишь о «подобии вергельда», который отражал скорее цену его жизни и роль в хозяйстве господина, но ни в коем случае не общественный статус (как

церкви равнялся половине вергельда за жизнь свободного рипуара (200 сол.)⁴⁰. Совершенно очевидно, что такой вергельд являлся производной именно от штрафа за жизнь полноправного франка, а не от ущерба за убийство раба.

Очень интересен также титул, в котором говорится о причинении вреда человеку привилегированного статуса, находившемуся на королевской службе, и лично зависимым от короля или церкви людям. Сам по себе факт того, что две разных по своему социально-правовому статусу категории ставятся рядом, не был бы столь показательным, если бы не добавление в тексте фразы: «в случае, если им что-то сделают, пусть возмещение будет в тройном объеме, как и в случае с другими [полноправными] рипуарами»⁴¹. И если в отношении категории привилегированных свободных, находившихся на службе короля (*in truste regia*), сравнение с рядовыми полноправными рипуарами не является чем-то необычным, то такое сравнение для категории *homo regius aut ecclesiasticus* выглядит симптоматичным: оно вряд ли могло появиться в отношении человека, который был королевским или церковным рабом или был недавно отпущен на волю⁴².

Такое же прямое сопоставление свободного франка с людьми короля и церкви имеется в разделе, посвященном краже стада скота (*De sonesti*): если свободный человек за это преступление должен был выплачивать, помимо ущерба, штраф в 600 сол.⁴³, то

в случае с полноправными франками). См. подробнее: *Brunner H.* Op. cit. S. 369–370; *Conrad H.* Op. cit. S. 159–160; *Verlinden Ch.* L'Esclavage dans l'Europe médiévale. Brugge, 1955. T. I. P. 662; *Bondue D.* De servus à sclavus: La fin de l'esclavage antique (371–918). Paris, 2011. P. 202–203.

⁴⁰ L. Rib. 7; 9–10,1: Si quis hominem ingenuum Ribvarium interfecerit, 200 solid. culpabilis iudicetur; aut si negaverit, cum 12 iuret [...] Si quis regium hominem interfecerit, 100 solid. culpabilis iudicetur aut cum 12 iuret. Si quis hominem ecclesiasticum interfecerit, 100 sol. culpabilis iudicetur aut cum 12 iuret.

⁴¹ Ibid. 11, 1 u. 3: Si quis eum interfecerit, qui in truste regia est, sexcentos solid. culpabilis iudicetur. Et quicquid ei fietur, similiter sicut de reliquo Ribvario in triplo componatur [...] Si quis regio aut ecclesiasticus homine de quacumque rem fortiam fecerit aut per vim tulerit, in triplo sicut reliquo Ribvario componatur.

⁴² Такой логике противоречит, например, противопоставление категорий *puer regius* и *ingenuus* в титуле *Lex Salica*, касавшемся убийства графа: Pact. leg. Sal. 54, 2–3.

⁴³ L. Rib. 19 (18), 1: Quod si ingenuus sonesti, id est duodecim equas cum amissario aut sex scrivas cum verre vel 12 vaccas cum tauro furaverit, sexcentos solid. culpabilis iudicetur et insuper capitale et dilatatura restituat. Quod si multi ingenui fuerint, sicut in omnem texacam constituimus, unusquisque sexcentos solid. culp[abilis] iud[icetur] et insuper capitale et dilatatura restituant; aut si negaverint, singuli cum 70 duobus iurent.

зависимый человек – «половину возмещения [полноправного] франка»⁴⁴. Важно и то, что для своего оправдания в преступлении и полноправный свободный, и лично зависимый должны были самостоятельно предоставить соприсяжников (72 и 36 человек соответственно) в отличие от раба, за которого соприсяжников представлял хозяин (или его судебный представитель).

Категория *homo ecclesiasticus aut regius* была представлена наравне с категорией свободных франков также и в том разделе *Lex Ribvaria*, который касался ответственности за телесные повреждения и нанесение увечий. Сам факт ее включения законодателями Австразии в «каталог штрафов за телесные повреждения» (нем. Busskatalog), который был составлен в Салической правде только из компенсаций за повреждения, причиненные свободным франкам, свидетельствует в пользу причастности зависимых людей короля и церкви к ограниченной свободе и правоспособности. Законодательство призывало людей короля и церкви за причинение телесных повреждений рабу к той же самой ответственности, что и свободных (либо к выплате 3 сол. штрафа, либо к сбору для церковного оправдания обвиняемого шести соприсяжников)⁴⁵. Прямое сопоставление категорий полной (*ingenuus*) и ограниченной (*homo regius aut ecclesiasticus*) свободы в Рипуарской правде происходило при утверждении санкций за такие преступления, как перелом кости у раба⁴⁶ и причинение тому ранения с истечением крови⁴⁷; величина штрафа за них также не отличалась (в первом случае – 9 сол. или клятвы с 6 свидетелями в своей непричастности, во втором – 5 1/2 сол.).

Здоровье самих королевских и церковных людей зачастую охранялось законодателем от посягательств в той же мере, что и здоровье свободных рипуаров. Так, при нанесении той и другой категории по 3 удара рабом с последнего взимался в пользу пострадавшего штраф в 3 сол.⁴⁸ Равным образом, свободный франк и

⁴⁴ Ibid. 19 (18), 3. Si homo ecclesiasticus aut regius hoc fecerit, medietatem compositionis francorum culpabiles iudicentur; aut si negaverint, cum 36 iurent.

⁴⁵ Ibid. 20 (19), 1–2: Si ingenuus servo ictu percusserit, ut sanguis non exeat, usque ternos colpos singulos solid. conponat; aut si negaverit, cum 6 iuret. Si homo ecclesiasticus aut regius hoc fecerit, tres solid. culpabilis iudicetur, aut cum 6 iuret.

⁴⁶ Ibid. 22 (21): Quod si ingenuus aut regius vel ecclesiasticus homo servo osso fregerit, novem solid. culpabilis iudicetur, aut cum 6 iuret.

⁴⁷ Ibid. 21 (20), 2: Similiter si ingenuus aut regius vel ecclesiasticus homo servo hoc fecerit, quinto dimidio solidulo culpabilis iudicetur.

⁴⁸ Ibid. 20 (19), 3: Quod si servus homini regio aut ecclesiastico vel franco hoc fecerit, per ternos ictos tres solid. conponat; aut si negaverit, dominus eius cum 6 iuret.

человек короля или церкви оценивались Рипуарской правдой одинаково, если им причиняли ранение, из которого текла кровь⁴⁹.

В некоторых случаях категории свободных франков и зависимых от короля или церкви людей все же различались по величине возмещения за телесные повреждения. Так, если раб причинял перелом кости свободному, то это деяние оценивалось в 2 раза дороже, чем аналогичная травма, причиненная рабом представителю категории *homo regius aut ecclesiasticus*⁵⁰. Тем не менее, это полностью укладывается в представление о половинной ценности жизни человека короля и церкви по сравнению с ценностью жизни рядового франка (т.е. о его ограниченной свободе).

К сожалению, имея в своем составе обстоятельный блок титулов, посвященный причинению свободными франками различных увечий равным им по статусу⁵¹, Рипуарская правда совершенно не касалась подобного рода преступлений, совершенных полноправными рипуарами против людей короля или церкви и наоборот. Остается загадкой, с чем это было связано — с простой невнимательностью редактора и переписчиков либо с сознательным умолчанием в силу того, что компенсация в этом случае не различалась.

Помимо присутствия категории *homo regius aut ecclesiasticus* в тех титулах, которые касались исчисления штрафов за различные преступления против здоровья и свободы основных групп рипуарского общества, достаточно большой пласт информации о ней находился в титуле 61 (58), касавшемся порядка ведения судебных процедур и пресечения неравноправных браков. Его текст является один из самых протяженных разделов в *Lex Ribvaria* (в тексте титула представлен 21 раздел), а его содержание далеко выходит за пределы своего относительно позднего названия (*De tabulariis*). Исследователи неоднократно говорили о том, что в этом титуле соединяются несколько хронологических и тематических пластов, как минимум — два: а) VI — начала VII в. («меровингский», систематизированный при короле Австразии Дагоберте в 629–639 гг.); и б) VIII — начала IX в. («каролингский», окончательно кодифицированный Карлом Великим в 802–803 гг.)⁵².

⁴⁹ Ibid. 21 (20), 1: Si servus ingenuum sanguinem effusionem aut regio vel ecclesiastico homini fecerit, quinto dimidio solido culpabilis iudicetur; aut si negaverit, dominus eius cum 6 iuret.

⁵⁰ Ibid. 23 (22): Quod si servus homini Franco aut Ribvario osso fregerit, dominus eius 36 solid. culpabilis iudicetur. Si autem regio aut ecclesiastico hoc fecerit, bis 9 solid. culpabilis iudicetur.

⁵¹ Ibid. 1–6.

⁵² См., например: Beyerle F. Op. cit. S. 33–39.

Поскольку выше уже было сказано о том, что люди короля и церкви могли вступать в брак со свободными рипуарками, но при этом страдала свобода их детей, так как этот союз являлся неравноправным, обратимся к другим сюжетам. В первую очередь, необходимо подчеркнуть тот момент, что в процессе судопроизводства «римляне», королевские и церковные люди не были равны свободным рипуарам: грань между судом свободных франков и судом лично зависимого населения королевских и церковных поместий была четко проведена законодателем. И люди короля, и люди церкви, и «римляне», как полагал Э. Майер, должны были отвечать перед особым судом, который отличался от сотенных собраний и суда королевских агентов, обязательных для полноправных франков. Определенная защита прав лично зависимых категорий в рамках этих судов была основана на том, что для них были предусмотрены сокращенные сроки принесения клятвы и меньшая ответственность за некоторые виды нарушения законодательства (например, уклонения от службы, принятие чужого зависимого человека) по сравнению со свободными рипуарами⁵³.

Тем не менее, сам факт того, что представители категорий *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus* были упомянуты в ряду тех, кто мог выступать в суде в качестве истца, ответчика или свидетеля, кто был в состоянии самостоятельно выплачивать штрафы за свои правонарушения (без участия своего хозяина в качестве посредника), однозначно отличает судебный статус этих категорий от статуса раба. Раб (за редким исключением) не мог нести ответственности за совершенные преступления⁵⁴: его интересы в суде представлял его господин, он же нес обязательства по оплате штрафов и доставке самого провинившегося на судебное заседание. В отношении людей короля и церкви, а также «римлян», напротив, прямое или косвенное участие в судебном разбирательстве их господ ни разу не упомянуто.

Ответственность категорий *homo regius* и *homo Romanus* предполагала их участие в судебном процессе в качестве полноправного ответчика. Это выражалось в том, что их запрещалось насильно водворять в судебное присутствие, а также выдвигать против них обвинения «на алтаре» (т.е. в церкви, в присутствии

⁵³ Mayer E. Op. cit. S. 164.

⁵⁴ По сути, только в L. Rib. 19 (18), 2–3 напрямую заявлено, что рабы несли ответственность в случае кражи скота «за себя самого» (*pro semetipsum*); во всех прочих случаях ответственность за преступления, совершенные рабом, прямо или косвенно возлагалась на его господина.

священнослужителей и, по-видимому, в отсутствие обвиняемого). Рипуарская правда прямо защищает интересы лично зависимого человека от полноправного франка, заявляя следующее: «Пусть он будет вызван в судебное присутствие незамедлительно и по закону, и пусть он произносит свою [защитительную] речь, а ему не будет [свободным] рипуаром заявлено [с клятвой] на алтаре возражения тем же способом»⁵⁵. Кроме этого, *homo ecclesiasticus*, *homo regius* и *homo Romanus* упомянуты в ряду тех участников судебного заседания, которые сами имели право на принесение церковной клятвы, причем в последнем случае эти категории зависимых людей упомянуты в одном титуле со свободным человеком, приносившим церковную клятву не только с соприсяжниками, но и (в случае сомнения в правдивости их слов) с оружием в руках⁵⁶.

К сожалению, здесь источник вновь заставляет исследователя вступить на путь предположений. Во-первых, не до конца ясно, можно ли в титуле 61 (58), 19 видеть эллипс и приписывать редактору пропуск в числе упомянутых социальных категорий (*homo regius*, *homo Romanus*, *tabularius*) термина *homo ecclesiasticus*. Но подобное допущение можно сделать хотя бы исходя из того, что в большинстве прочих параграфов титула 61 (58) люди короля и церкви упомянуты в одних и тех же правовых казусах; та же ситуация имела место и в титуле 69 (66). Во-вторых, нет полной ясности в том, какова была процедура принесения клятвы перечисленными лично зависимыми категориями и какова была их ответственность в случае, если их слова были оспорены в суде истцом. В титуле 69 (66) очень подробно описаны эти моменты, но только в отношении свободного человека. В отношении людей

⁵⁵ Ibid. 61 (58), 19: Hoc autem constituimus, ut nullus hominem regium, Romanum vel tabularium interpellatum in iudicio non tangeat nec alsaccia requirat. Et sic, ut in presente legitime mallatus fuerit, ei verba commemoret et non ei sicut Ribvario ad altario verba commemoventur.

⁵⁶ Ibid. 69 (66), 1–2: Si quis Ribvarius sacramento fidem fecerit, super 14 noctes sibi septimus seu duodecimus vel septuagesimus secundum cum legitimo termino noctium studeat coniurare. Si autem contentio orta fuerit, quod sacramentum in diem placiti non coniurasset, tunc cum tertia parte iuratores suis adfirmare studeat, aliquos a dextris et aliquos ad sinistris stantibus. Sin autem nec sic satisfecerit, tunc secundum in praesentia iudicis vel secundum terminationem, sextam iuratorum suorum, cum dextera armata tam priore quam posteriore sacramentum in praesentia iudicis confirmare studeat. Si autem regius, Romanus aut ecclesiasticus taliter egerit, cum legitimum numero similiter studeat implere, aut legitima solutionem restituat.

короля или церкви используются латинские выражения, которые, с одной стороны, могут быть интерпретированы как отражение их одинаковой со свободным человеком ответственности перед судом (*taliter egerit; cum legitimum numero similiter studeat implere*), а с другой стороны, входят в противоречие с некоторыми другими сведениями Рипуарской правды о судебной процедуре в отношении *homo regius aut ecclesiasticus*.

Так, в титуле 61 (58), 19 был отчетливо проявлен тот момент, что человек короля давал на алтаре церкви клятву, которую по закону не мог оспорить свободный человек. Следом законодатель запрещал свободному рипуару, которому не принадлежал церковный человек или вольноотпущенник, выступать его защитником на суде под угрозой серьезного штрафа в 60 сол., «поскольку мы [т.е. король] заявляем, что непозволительно то, что мы ранее даровали церквям, истребовать у церковей обратно»⁵⁷. Хотя такие привилегии, предоставляемые в области судопроизводства церкви и королевским должностным лицам, были отмечены еще Э. Майером⁵⁸, они не представляли собой полного иммунитета в отношении провинившихся королевских и церковных людей⁵⁹: они продолжали нести ответственность не только перед епископскими или графскими судами, но и перед сотенными собраниями, где были представлены полноправные рипуарские франки.

Так, помимо принесения присяги перед алтарем человеком короля или церкви в своей невиновности в случае обращения в графский или церковный суд свободного человека, *Lex Ribvaria* рассматривала возможность подачи иска одним лично зависимым человеком против другого. Имелась возможность подачи иска человеком, принадлежащим к зависимому статусу *homo regius aut ecclesiasticus*, против другого человека того же самого статуса, а также свободным рипуаром против обеих упомянутых зависимых категорий. В этом случае королевский человек должен был

⁵⁷ Ibid. 61 (58), 2: Quod si quis tabularium seu ecclesiasticum homine[m] contra episcopum defensare voluerit, 60 solid. culpabilis iudicetur, et insuper hominem cum omnibus rebus suis ecclesiae restituat. Quia illicitus esse dicimus, quod dudum ecclesiis concessimus, iterum ab ecclesiis revocare.

⁵⁸ Mayer E. Op. cit. S. 164–167. Свои наблюдения Э. Майер подтверждал не только на основе текста *Lex Ribvaria*, но также при помощи юридических формул VII–VIII вв.

⁵⁹ В отличие от более поздних по времени фиксации (VIII – начало IX в.) Алеманнской и Баварской правд, которые предполагали полный запрет светской власти на вмешательство в судопроизводство, касавшееся пожалованных церкви людей: L. Alam. I, 1; L. Baiuv. I, 1.

отвечать путем принесения судебной клятвы обоим (в течение 7 дней – свободному, и 14 дней – равному по статусу человеку). Примечательно и то, что таков же был порядок судебного разбирательства в случае, если свободный рипуар приносил церковную клятву по обвинению, выдвинутому человеком короля (очевидно, в срок 14 дней)⁶⁰.

Из трех вышеперечисленных вариантов развития ситуации следует, что при обвинении представителя категории *homo regius aut ecclesiasticus* равным или более высоким по статусу человеком он отвечал на него персонально, посредством принесения судебной клятвы. Однако в таком случае возникают вопросы: в каком суде шло разбирательство? В сотенном суде, или в суде должностных лиц короля или церкви? Можно ли в Рипуарской правде видеть прямое проявление королевского покровительства в отношении категории *homo regius* или даже изъятие последней из общей системы судопроизводства и ее передачу на суд особым должностным лицам (например, управляющим или судьям королевских поместий VII–VIII вв.)? Однозначных ответов на эти вопросы Рипуарская правда не содержит; можно лишь выдвигать предположения на основе анализа текста.

То, что один из представителей категории *homo regius aut ecclesiasticus* мог обвинить или призвать к ответу другого, только подчеркивает их самостоятельность: принесение клятвы могло происходить, по-видимому, не только во владениях одного из их господ, но и на «нейтральной территории»⁶¹. Необходимость обращения к местному суду за пределами своего поместья могла возникать в случае, если два лично зависимых человека одного господина (например, короля или епископа) представляли два удаленных друг от друга поместья⁶². В этом случае апелляция не к суду своего поместья, а, скажем, к графскому или герцогскому суду была бы вполне оправданной.

Свободные также могли потребовать очистительной клятвы от людей короля и церкви. Нельзя совершенно исключить того,

⁶⁰ Ibid. 61 (58), 21: Si autem homo regius homini regio vel ecclesiastico sacramento fide fecerit, super septem noctes coniuret. Si autem Ribvario, super 14 noctes. Similiter et Ribvarius ei faciat.

⁶¹ В качестве такого места вполне можно рассматривать и сотенные или судебные местные собрания (известные в Салической и Рипуарской правдах как *placitum*), поскольку в числе персон, которые могли быть призваны к ответу церковными или королевскими людьми, упоминаются свободные.

⁶² Такие примеры известны из Эдикта Хлотаря II, провозглашенного 18 октября 614 г.: Ed. Chloth. 19 (Episcopi vero vel potentes, qui in alias possedent regionis...).

что местом принесения подобной клятвы в начале VII в. все еще оставалось судебное собрание: хотя в отношении категории *homo ecclesiasticus* уже действовал запрет по изъятию ее представителей из юрисдикции епископского суда, из текста Рипуарской правды становится ясным, что он далеко не всегда соблюдался. Кроме того, согласно чуть более раннему (на пару десятилетий), чем первоначальная редакция Рипуарской правды, эдикту Хлотаря II был предусмотрен совместный суд для простых свободных – «юридических персон» (*persona publica*), и «людей церкви» (*homo ecclesiae*), которых должны были представлять, с одной стороны – светский судья, с другой стороны – церковные судебные представители (препозиты)⁶³. К сожалению, для нас не полностью доступен тот фрагмент текста, в котором говорилось о необходимости агентов церкви или земельных магнатов представлять перед светским судом зависимых от них людей (утеряно его окончание с санкцией за сокрытие категории *homo ecclesiarum aut potentum*). Однако сама постановка проблемы говорит о том, что в отдельных случаях делопроизводство в сотенных судах в отношении людей, зависимых от духовных и светских землевладельцев (в том числе короля), было уже затруднено, но еще не было экстраординарным случаем в восточнофранкских землях VII в.⁶⁴

Кроме того, для понимания системы судопроизводства в Австразии начала VII в. очень полезен титул 51 (50), 1 Рипуарской правды, где говорится о различных видах судов, к которым могли обращаться свободные рипуары в поисках справедливости и где они могли приносить клятву. В числе прочих здесь были упомянуты и местный суд сотни, и суд королевских агентов, и суд верховного правителя; церковный (епископский) суд при этом не был упомянут⁶⁵. Следовательно, суд короля и его должностных лиц в VII в. еще не рассматривался в качестве прямого прообраза судебных иммунитетов крупных поместий VIII–IX вв. Это

⁶³ Ibid. 5: Quod si causa inter personam publicam et hominibus ecclesiae steterit, pariter ab utraque partem praepositi ecclesiarum et iudex publicus in audientia publica positi eos debeant iudicare.

⁶⁴ Ibid. 15: Si homines ecclesiarum aut potentum de causis criminalibus fuerint accusati, [agentes] eorum ab agentibus publicis requisiti si ipsos in audientia pu[blica] [...] foris domus ipsorum ad iustitiam reddenda praesentare noluerint, et distringantur, quatenus eosdem debeant praesentare.

⁶⁵ L. Rib. 51 (50), 1: Si quis testes ad mallo ante centenario vel comite, seu ante duci, patricio vel rege necesse habuerit, ut donent testimonium, et fortasse testes noluerint ad placitum venire, ille, qui eos necessarium habet, manire illos debet, ut testimonium, quod sciunt, iurati dicant.

значит, что в категории *homo regius aut ecclesiasticus* еще рано видеть предшественника серва или колона IX–XI вв., который был в судебном и правовом отношении как бы «продолжением» своего земельного участка, к которому он был прикреплен. Представители этих категорий, сидевшие на землях духовных или светских крупных землевладельцев в развитом Средневековье, не обладали правом самостоятельно выступать в суде; для них был заказан путь к обращению с иной суд, кроме суда своего сеньора⁶⁶.

Переходя к выводам, необходимо еще раз подчеркнуть крайнюю противоречивость отразившихся в тексте Рипуарской правды социальных отношений, осложненных этнической разнородностью и потестарной структурой меровингских королевств. История возникновения и развития прослойки лично и поземельно зависимых людей короля и церкви в полной мере отражала эти сложные общественно-политические противоречия.

Социальный базис слоя *homo regius aut ecclesiasticus* был достаточно широким и включал в себя не только франков – завоевателей, но также и внушительное число галло-римлян. Это в конечном итоге привело к отождествлению терминов *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus*, их слиянию в единую правовую категорию с практически идентичным социальным статусом. В результате анализа титулов *Lex Ribvaria* становится понятно, что эта категория формировалась из нескольких источников. Одним из таких источников являлась прослойка королевских и церковных рабов, правовой статус которых значительно превосходил статус рабов рядовых франков и бывших галло-римских землевладельцев. Получая новые права, такие люди начинали возвышаться над бесправной массой рабского населения и переходили в более высокий общественный слой, оставаясь при этом в личной зависимости от своих господ (короля и монастырей).

Однако не менее важной (и более многочисленной) группой, органично вливавшейся в состав категории *homo ecclesiasticus aut regius*, стали бывшие полноправные франки, потерявшие свою полноправную свободу в результате внешних обстоятельств. Это могло быть выражено в конфискациях земель и имущества свободных людей королем (а также в добровольной передаче мона-

⁶⁶ См. об этом подробнее работы М. Блока, например: *Bloch M. Serf de la glèbe. Histoire d'une expression toute faire // Revue historique. 1921. T. 136, Fasc. 2. P. 220–242; Idem. Les "Colliberti": Essai sur la formation de la classe servile // Revue historique. 1928. T. 157, Fasc. 1. P. 1–48; Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 248–270.*

стырю или королю той же земли на условиях защиты) или в пожаловании земли с сидящими на ней земледельцами монастырю.

При этом социально-правовой статус вновь возникавшей зависимой категории ни в коей мере не позволял смешивать ее с практическими бесправными франкскими рабами. Это можно установить по сумме штрафов, которые взимались за нарушения против их телесного здоровья: они были либо приравнены к суммам штрафов за увечья, наносимые свободным рипуарам, либо составляли половину от этих сумм. При совершении преступлений против рабов свободные люди, зависимые люди короля и церкви были обязаны выплатить одинаковое возмещение. Ни в одном из известных случаев возмещение, полагавшееся за преступление против зависимого от короля или церкви человека (как и в случаях совершения им самим покушения на здоровье раба), не исчислялось от величины штрафа, положенного за преступление раба; оно высчитывалось, как правило, путем деления пополам суммы возмещения за причиненный свободному франку ущерб.

Некоторые особенности судопроизводства, отразившиеся на статусе *homo regius aut ecclesiasticus*, позволяют нам говорить о представителях этой категории как о предшественниках зависимого населения, обитавшего на иммунитетных территориях в эпоху Каролингов. Так, свободный франк не мог принудить человека короля или церкви к явке на суд или оспорить принесенную им на алтаре клятву. Кроме того, он мог выступать в суде в качестве истца не только против равных по статусу, но и против полноправного свободного.

Вместе с тем, в судебном отношении положение представителей категории *homo regius aut ecclesiasticus* лишь отдаленно напоминало положение сервов и вилланов развитого Средневековья, которые не имели права обращаться ни в какие инстанции, кроме курialesкого суда своего помещика. Некоторые титулы Рипуарской правды и более раннего источника – Эдикта Хлотаря II, свидетельствовали о прямом участии людей короля и церкви не только в судах своих светских или духовных сеньоров, но и в других формах судопроизводства (например, сотенных собраниях, герцогских или графских судебных заседаниях). Из Эдикта Хлотаря II становится понятным то, что даже в отношении зависимого населения самых крупных и влиятельных монастырей принцип неподсудности светскому суду соблюдался далеко не всегда.

Все перечисленные факты еще раз подчеркивают неоднозначный, многовариантный характер эволюции социально-правового

статуса лично зависимого населения на территории королевств Меровингов в VII в., нашедший в первую очередь отражение в категориях *homo regius aut ecclesiasticus* и *homo Romanus*.

БИБЛИОГРАФИЯ

Блок М. Феодалное общество. М., 2003.

Земляков М.В. Роль римского элемента в формировании общества и государства Меровингов в конце V – начале VII в. (по материалам франкских правд) // Восточная Европа в Древности и Средневековье: Государственная территория как фактор политогенеза. XXVII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2015 г.: Мат-лы конф. М., 2015. С. 111–116.

Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 2003 [Репринт].

Фюстель де Куланж Н.Д. История общественного строя древней Франции. СПб., 1907–1910. Т. 4: Аллод и сельское поместье в меровингскую эпоху; Т. 5: Начала феодального строя.

Beyerle F. Das Gesetzbuch Ribvariens: Volksrechtliche Studien III // ZSSR. GA. 1935. Bd. 55. S. 1–80.

Bloch M. Serf de la glèbe: Histoire d'une expression toute faire // Revue historique. 1921. Т. 136, Fasc. 2. P. 220–242.

Bloch M. Les “Colliberti”: Essai sur la formation de la classe servile // Revue historique. 1928. Т. 157, Fasc. 1. P. 1–48.

Bondue D. De servus à esclavus: La fin de l'esclavage antique (371–918). Paris, 2011.

Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Aufl. Berlin, 1906. Bd. 1.

Buchner R. Zu Text und Handschriftenstammbaum der Lex Ribvaria // ZSSR. GA. 1963. Bd. 80. S. 306–315.

Conrad H. Deutsche Rechtsgeschichte. Ein Lehrbuch. Karlsruhe, 1954. Bd. 1. Frühzeit und Mittelalter.

Dannenbauer H. Die Rechtsstellung der Gallorömer im fränkischen Reich // Grundlagen der mittelalterlichen Welt. Skizzen und Studien. Stuttgart, 1958. S. 95–120.

Gaupp E.Th. Lex Francorum Chamavorum oder das vermeintliche Xantener Gaurecht. Breslau, 1855.

Grimm J. Deutsche Rechtsalterthümer. 2. Aufl. Göttingen, 1956.

Inama-Sternegg K.Th., von. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. 2. Aufl. Leipzig, 1909. Bd. I: Bis zum Schluß der Karolingerperiode.

Jastrow I. Zur strafrechtlichen Stellung der Sklaven bei Deutschen und Angelsachsen. Breslau, 1878 (Untersuchungen zur Deutschen Staats- und Rechtsgeschichte / Hrsg. von Otto Gierke; Bd. II).

Laws of the Salian and Ribvarian Franks / Transl. by T. Rivers. New York, 1986.

Igor Filippov

REFLECTIONS ON S. REYNOLDS' BOOK
«FIEFS AND VASSALS»
AND ITS PERCEPTION
IN CONTEMPORARY MEDIEVAL STUDIES

This article is an attempt of analysis of Reflections S. Reynolds' «Fiefs and vassals» (1994) and its perception in contemporary medieval studies. According to S. Reynolds, the notion of vassal-feudal system which determined the social and political realities of medieval Europe is a construct of the academic law and the humanities of Early Modern period, a concept which was uncritically adopted by the historiography of the 19th and 20th centuries. The author of this article analyses the scientific instruments of the English historian, especially how she understands and uses the notion of «property» and other notions pertaining to ownership rights. He also studies S. Reynolds' argumentation, her historiographic assessments and the discussion of her book in contemporary research.

Keywords: allod, benefice, fief, feudalism, possession, property, tenure.

Andrey Vinogradov, Maksim Korobov

GOTHIC GRAFFITO INSCRIPTIONS
FROM MANGUP BASILICA

The article is dedicated to the sensational discovery of five Gothic graffiti in the Mountainous Crimea where the use of the Gothic language was attested only by the sources, but never in written form. The graffiti are scratched on two re-used fragments of early Byzantine cornice from Mangup Basilica and dated to the second half of the 9th – 10th centuries. Two of them are typical Byzantine invocations, one is a commemoration (?) with the formula of modesty, one is barely survived, and one contains a quotation from Ps 76, 14–15 and a liturgical text. The inscriptions are written in archaic version of Wulfila alphabet. The discovered graffiti are of great importance not only for the history of the Crimean Goths

and their language, but also for the history of Gothic writing and culture in general.

Keywords: Goths, Gothic language, Crimea, epigraphy, Byzantine Empire, Wulfila, Bible.

Mikhail Zemlyakov

SOCIAL AND LEGAL STATUS OF KING'S MEN
AND CHURCHMEN IN LAWS
OF THE RIPUARIAN FRANKS:
BETWEEN SLAVERY AND FREEDOM

This article's objective is study of low social ranks of East Franks depending on the richest landowners, such as a king's man (*homo regius*), a churchman (*homo ecclesiasticus*), and a Roman (*homo Romanus*). The main source of this research is laws of Ripuarian Franks (*Lex Ribvaria*), the legal text which firstly was promulgated by King of Franks Dagobert (629–639) and then was supplemented with new institutions all through the 7th – 8th centuries. At last, the full text of *Lex Ribvaria* was completed and confirmed by Charlemagne in 802–803.

The author pays his special attention to the issue of social ground of these ranks. He refuses the most popular opinion of scholars which stands on point of view that the basis of king's men and churchmen consisted solely of former royal and church slaves as much as libertines and their children. Instead of this, he denotes those titles of Ripuarian law which soundly demonstrate an origin of king's men and churchmen, formerly free but fallen in poverty and debt or in voluntary dependence on the king, his agents or monasteries.

Making a comparison between punishments and compensations prescribed by law for free persons, king's men and churchmen, he comes to the conclusion that life and physical health of a dependent man amounted to a half of the life value (*wergeld*) of a freeman. A degree of legal responsibility of king's men and churchmen (participation in court action, making an oath, defence an action and their interests) evidences their integration in Austrasian society of the 7th century not as virtually incapable slaves or libertines but as former freemen whose rights and freedom were diminished because of poverty and dependence.

Keywords: king's men, church men, the Romans (*homo regius*, *homo ecclesiasticus*, *homo Romanus*); Laws of the Ripuarian Franks, Laws of the Salian Franks (*Lex Ribvaria*, *Lex Salica*); Austrasia; Clovis (*Chlodovechus*), Dagobert.

- Попова Галина Александровна* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН
- Потопаева Вера Григорьевна* – аспирант кафедры истории Средних веков и раннего Нового времени исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- Русанов Александр Витальевич* – аспирант кафедры истории Средних веков и раннего Нового времени исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, редактор службы проверки «Православной энциклопедии»
- Сидорова Василина Викторовна* – аспирантка исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- Симонова Надежда Вячеславовна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков исторического факультета Московского государственного педагогического университета (МГПУ)
- Срединская Наталия Брониславовна* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН
- Тогоева Ольга Игоревна* – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «История частной жизни и повседневности» ИВИ РАН
- Уваров Павел Юрьевич* – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, руководитель Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН, заведующий кафедрой социальных наук Школы исторических наук на факультете гуманитарных наук НИУ ВШЭ
- Федосов Дмитрий Геннадьевич* – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН
- Филиппов Игорь Святославович* – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков и раннего Нового времени исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- Хачатурян Нина Александровна* – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Средних веков и раннего Нового времени исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- Шагинян Арсен Карапетович* – доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран народов СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

СОДЕРЖАНИЕ

- П.Ю. Уваров*
От редактора..... 5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

- И.С. Филиппов*
Размышления о книге С. Рейнольдс «Феодалы и вассалы» и ее восприятии в современной медиевистике 8

ОТКРЫТИЯ И ГИПОТЕЗЫ

- А.Ю. Виноградов (Москва), М.И. Коробов (Иркутск)*
Готские граффити из мангупской базилики 58

ЮРИСДИКЦИЯ ЦЕРКВИ И ВЛАСТЬ КОРОЛЯ: СПОРЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

- М.В. Земляков*
Социально-правовой статус людей короля и церкви в Рипуарской правде: между рабством и свободой 76
- Паламарчук А.А. (Санкт-Петербург)*
Понять «Толкователя»: дело Джона Коуэлла и полемика о юрисдикции церковных судов в раннестюартовской Англии 101

НОВЫЕ МОНАРХИИ, НОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ, НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Е.Г. Домнина*
Документы дипломатической миссии Леонардо Спинелли в Англию (март–июнь 1514 г.)..... 122
- О.В. Окунева*
Русские послы и бразильские индейцы при дворе Марии Медичи и Людовика XIII 161

В МАСТЕРСКОЙ ИСТОРИКА: СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РУКОПИСИ

- Е.В. Казбекова*
Разметка листа в средневековых латинских рукописях: рабочая гипотеза.. 193

- А.Е. Карначёв (Санкт-Петербург)
Наследие Русского Археологического института: Греческая рукопись
начала XI в. с латинской интерлинейной версией начала XV в. 230

ЧУДЕСА И МУДРОСТЬ: ГРАНИЦЫ ПОЗНАНИЯ

- В.Г. Долгополов
Доказательство чуда в антииудейской полемике на латинском Западе
(XII–XIV вв.) 254

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

- Д.Ю. Полдников
Юридическая техника права ученых (*ius commune*) Западной Европы
XIII–XV вв. 274
- О.В. Ауров
Риторика вместо права: «История Вамбы» Юлиана Толедского и пробле-
ма правовой защиты королевской власти 291
- В.Г. Потопаева
Лысая королева: Культурные и правовые аспекты саги «Рождение Аэда
Слане» 310
- Г.А. Попова
Правовая норма в частных актах Толедо XII–XIII вв. 320
- И.И. Варьяш
Instrumenta publica sarracenica в Арагонской Короне XIII–XIV вв. 333
- Н.Б. Срединская (Санкт-Петербург)
Механизмы решения имущественных споров в Ферраре XIV в. 345
- А.В. Русанов
Подтверждения привилегий Португальского университета в правление
короля Жуана I (1384/1385–1433) 360
- О.И. Тогоева
«Свадьба под виселицей»: К вопросу о функционировании неписаной
правовой традиции в средневековой Франции 376
- Н.С. Назарьева
«Инфрасудебные практики» в Париже раннего Нового времени по мате-
риалам нотариальных актов 392

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МЕДИЕВИСТИКИ

- Н.В. Симонова
Вспоминая профессора Виктора Федоровича Семенова (К 120-летию
со дня рождения) 407

MEMORIA

- Н.Б. Срединская (Санкт-Петербург)
Памяти Льва Григорьевича Климанова 417
- Н.А. Хачатурян
Памяти Рената Меулетовича Асейнова 420

РЕЦЕНЗИИ, ДИСКУССИИ И ОБЗОРЫ

- А.К. Шагинян (Санкт-Петербург)
Мехамадиев Е.А. Армянские войсковые подразделения в ранневизан-
тийской армии IV–VII вв. СПб.: Изд-во «Петербургское востоковедение»,
2014. 256 с. (с английским резюме). (Серия «Historia militaris») 423
- В.В. Сидорова
Адемар Шабаннский. Хроникон / Под ред. А.В. Банникова, перевод с
лат. и комм. А.В. Банникова, А.Н. Слезкина, Г.А. Шмидта, вступ. статья
Д.Н. Старостина. СПб.: ЕВРАЗИЯ, М.: ИД Клио, 2015 431
- Д.Г. Федосов
«Stands Scotland where it did? – Alas, poor country! almost afraid to know
itself»
Рецензия на научное издание: Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. Средневе-
ковая Шотландия. СПб., 2014 441
- П.Ю. Уваров
Социальная история в тематическом выпуске журнала «Анналы»
Annales: Histoire, Sciences Sociales. Paris: L'École des hautes études
en sciences sociales; Arman Colin, 2013. 68 année, № 4 (octobre–
decembre): Statuts sociaux.
Анналы: История, Социальные науки. Париж: Высшая школа социальных
исследований; Издательство Арман Колен, 2013. Вып. 68, № 4 (октябрь–
декабрь). Тема выпуска: Социальные статусы 459
- SUMMARIES 474
- КОРОТКО ОБ АВТОРАХ 485